

18+

Анна Роксолана

Тарем Хюррем

*Две реальности
переплетаются*

Анна Роксолана
Гарем Хюррем. Две
реальности переплетаются

<https://litres.ru/74543437>

ISBN 9785007132404

Аннотация

История перевоплощения. Власть. Любовь. Мечь. Судьба.
Когда женщина становится империей — её сердце становится гаремом.

А мужчины?

Они лишь тени, которым она даёт свет...

Содержание

Глава I. «Огонь, который не берет меня»	6
Глава II. «Мужчина, который дал мне землю»	29
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Гарем Хюррем Две реальности переплетаются

Анна Роксолана

© Анна Роксолана, 2026

ISBN 978-5-0071-3240-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero
«Гарем Хюррем»

История перевоплощения. Власть. Любовь. Мечь. Судьба. «Когда женщина становится империей — её сердце становится гаремом. А мужчины? Они лишь тени, которым она даёт свет».

Две реальности переплетаются:

XVI век, Османская империя — хроника настоящей Роксоланы, пленённой в юности, ставшей женой Сулеймана.

Настоящее время, 2026 год — перевоплощение Хюррем как Анны Роксоланы, современной женщины, которая однажды в 2023 году в ретрите в Сочи проходит практику реинкарнации в прошлые жизни и начинает вспоминать кто она и откуда, просыпается в теле, помнящем все свои жизни.

Главная героиня: Анна Роксолана — Хюррем Вторая 40 лет, рыжие длинные волосы, голубые глаза, как у степной ведьмы. Бывший предприниматель, теперь — основательница «Дома Ветров» — усадьбы в Крыму, где она собирает мужчин, не как рабов, а как хранителей энергии, любви, знаний. Она не держит их — они приходят по зову души. У неё нет мужа. У неё — гарем. Но не в сексуальном смысле — а как духовная империя из мужчин, каждый — архетип, каждый — урок.

Этот роман состоит из 7 серийных историй — 7 глав — 7 жизней — 7 любовей. Рада вам представить их.

Глава I. «Огонь, который не берет меня»

Огонь, который не берет меня.

Эта глава — начало вселенной, где любовь не умирает, а перерождается, где женщина — не жертва, а создательница судеб, где огонь — не враг, а союзник.

Я проснулась в пламени.

Не метафорически. Не во сне.

Настоящий огонь — оранжево-золотой, с чёрными прожилками дыма — обнимал меня, как любовник, слишком долго ждавший возвращения.

Он лизал деревянные стены, пожирал занавески, перебегал по потолку и осыпался на пол светящимися лепестками. Воздух дрожал. Где-то трещали балки. За дверью кричали люди.

А я лежала посреди комнаты и смотрела, как горит моя белая ночнушка.

Ткань чернела на груди, осыпалась пеплом, но кожа под ней оставалась целой.

Ни волдырей.

Ни боли.

Только странное тепло — знакомое, почти родное.

Так бывает, когда спустя много лет слышишь голос того,

кого считала умершим.

Я подняла руку. Огонь скользнул между пальцами, обвился вокруг запястья золотым браслетом и погас.

В тот миг я вспомнила другое пламя.

Не это.

Не сочинский ретрит в горах, не деревянный дом, пропахший можжевельником и благовониями, не лето 2023 года.

Я увидела каменную комнату. Узкие окна. Медный кувшин на полу. Шёлковые подушки, расшитые гранатами. Женщину в зелёном платье, которая смотрела на меня с ужасом и повторяла имя, давно вычеркнутое из моей памяти:

— Александра... Беги.

Потом её лицо исчезло в дыму.

А моё осталось.

Рыжие волосы рассыпались по плечам. Голубые глаза отражали огонь. Только лицо было моложе — лет на двадцать пять. И всё же это была я.

Я узнала себя так, как узнают не внешность, а боль.

Из настоящего меня вырвал грохот.

Потолочная балка рухнула у кровати. Искры взметнулись вверх. За дверью кто-то снова закричал:

— Анна! Вы меня слышите?

Я слышала.

Но не отвечала.

Внутри меня открывалась дверь, которую я сорок лет держала запертой.

За ней плакала девочка, потерявшая дом.

Смеялась пленница, решившая больше никогда не быть слабой.

Молчала женщина, возле которой мужчины забывали о своём величии.

И ещё кто-то — древний, спокойный и беспощадный — произнёс моим голосом:

«Вставай. Огонь пришёл не убить тебя. Он пришёл разбудить».

Я встала.

Босыми ногами шагнула на раскалённые доски и ничего не почувствовала. Пламя расступалось передо мной, словно узнавало хозяйку. Я шла медленно, хотя дом уже стонал и рушился.

Наверное, нужно было бояться.

Но страх остался в другой жизни.

Там, где меня везли в неизвестность и я ещё не знала, что всё отнятое однажды станет моей силой.

Дверь сорвало с петель прежде, чем я коснулась ручки.

В комнату ворвался мужчина.

Высокий, широкоплечий, в мокрой куртке, наброшенной поверх футболки. Нижнюю часть его лица закрывала ткань. На виске темнела кровь. Он увидел меня посреди огня и замер.

Только на мгновение.

Потом подбежал, подхватил меня на руки и прижал к се-

бе.

— Вы ранены?

— Нет.

— Дышите глубже.

— Я дышу.

— Нужно выйти отсюда.

Я посмотрела ему в глаза.

Серые. Почти серебряные.

Такие глаза уже смотрели на меня когда-то — из-под тяжёлого шлема, сквозь дождь, сквозь годы, сквозь смерть. Тогда у него было другое лицо и другое имя. Но душу невозможно переодеть.

Она всегда выдаёт себя взглядом.

— Мы встречались, — сказала я.

Он решил, что я в шоке.

— Потом поговорим.

— Ты и тогда вынес меня из огня.

Мужчина крепче прижал меня к себе.

— Конечно, — ответил он так, как разговаривают с человеком в бреду. — Только сначала выберемся.

Мы прошли по коридору. Дым был таким густым, что мир исчез. Я слышала его дыхание и удары сердца. Не быстрые — тяжёлые, уверенные.

Так бьётся сердце человека, который привык спасать других и не умеет спасать себя.

Он закрыл меня своим телом, когда с потолка посыпались

горящие обломки. Один ударил его по плечу. Мужчина пошатнулся, но не выпустил меня.

— Поставь меня, — потребовала я.

— Нет.

— Тебе больно.

— Терпимо.

— Ты всегда так говоришь.

Он взглянул на меня, но ничего не спросил.

Через несколько секунд мы оказались снаружи.

Ночной воздух ударил в лицо. На поляне стояли люди в одеялах. Кто-то плакал, кто-то снимал пожар на телефон, кто-то выкрикивал имена. Вдали уже звучали сирены.

Я посмотрела назад.

Дом, в котором проходил ретрит, горел целиком. Пламя поднималось над крышей, освещая склоны и чёрные силуэты деревьев. Казалось, в горах взошло второе солнце.

Мужчина осторожно поставил меня на землю.

— Как вас зовут?

— Анна Роксолана.

Я впервые произнесла своё полное имя без смущения.

Раньше оно казалось мне красивой семейной странностью. Отец любил историю, мать — необычные сочетания. В школе меня дразнили султаншей, в университете называли Рокси, а в деловом мире я представлялась просто Анной.

Теперь имя легло на язык как ключ, наконец вошедший в свой замок.

— Анна, — повторил мужчина. — Я Арсений. Можно просто Арс.

Арс.

Не имя — звук удара клинка.

В прошлой жизни его звали иначе. Это вертелось на кончике языка, но память не отдавалась сразу. Она показывала мне отдельные картины: лошадь, покрытую пеной; окровавленную ладонь; ночную дорогу; мужской голос, обещающий вернуться.

И огонь.

Всегда огонь.

— Вам холодно? — спросил Арс.

Только тогда я поняла, что стою перед ним почти обнажённая. От ночной рубашки остались обгоревшие лоскуты, но на коже не было даже копоты.

Арс снял куртку и накинул мне на плечи.

Его запах — дым, дождь и горькие травы — открыл ещё одну дверь.

Каменная терраса.

Тёплая ночь.

Я стою у перил в золотом платье, а за спиной звучит его голос:

«Вы думаете, власть делает человека свободным?»

«Нет, — отвечаю я. — Власть лишь позволяет выбирать свою клетку».

Я пошатнулась.

Арс успел подхватить меня.

— Анна?

— Не называй меня так.

— А как вас называть?

Ответ пришёл раньше, чем я успела его остановить.

— Хюррем.

Он побледнел.

Не рассмеялся.

Не переспросил.

Просто побледнел, будто это имя разбудило что-то и в нём.

— Что вы сказали?

— Ты слышал.

Несколько долгих секунд мы смотрели друг на друга.

Вокруг бегали люди. Гудели машины. Пожарные разма-
тывали рукава. Руководитель ретрита пытался пересчитать
участников. Мир продолжал жить по своим законам, не за-
мечая, что между нами уже разверзлась пропасть длиной в
пять столетий.

— Я видел вас во сне, — тихо сказал Арс.

Сердце пропустило удар.

— Когда?

— Много раз. Всегда один и тот же сон. Горит большой
каменный дом. Вы стоите у окна и держите в руках письмо.
Я зову вас, но вы не оборачиваетесь.

— Потому что знала: если обернусь, ты погибнешь.

Арс отступил.

— Откуда вам это известно?

Я закрыла глаза.

Воспоминание пришло целиком.

Он стоял передо мной на коленях — не как раб перед господой и не как подданный перед правительницей. Так встают только перед женщиной, которую любят и потому вынуждены оставить.

Я протянула ему запечатанное письмо.

«Ты доставишь его и не вернёшься».

«Это приказ?»

«Это единственный способ сохранить тебе жизнь».

«А если моя жизнь без вас мне не нужна?»

Я отвернулась, чтобы он не увидел слёз.

«Тогда живи из мести».

В ту ночь я отправила его прочь.

На рассвете дворец загорелся.

Он решил, что я погибла.

А я позволила ему так думать.

Я открыла глаза. Передо мной снова был 2023 год. Горный склон. Пожар. Мужчина с кровью на виске.

Та же душа.

Та же обида.

— Ты не вернулся, — прошептала я.

— Куда?

— Ко мне.

— Я вас не знаю.

— Знаешь. Просто пока не помнишь.

Он смотрел на меня настороженно, но в его взгляде уже не было недоверия. Только страх человека, который неожиданно услышал продолжение собственного сна.

К нам подбежала женщина из группы.

— Аня! Господи, ты жива! Мы думали, ты осталась внутри!

Она обняла меня, всхлипнула и тут же отстранилась.

— Почему на тебе нет ожогов?

Я не ответила.

На этот вопрос мне самой предстояло найти ответ.

За три часа до пожара я лежала в тёмном зале среди двенадцати незнакомых людей. Ведущая ретрита мягко говорила, что память души не подчиняется времени. Что прошлое не исчезает — оно лишь меняет форму. Что нужно позволить телу вспомнить то, чего не может объяснить разум.

Я не верила ей.

Я приехала в Сочи не за прошлой жизнью.

Я приехала, потому что моя нынешняя жизнь закончилась.

За один год я продала бизнес, похоронила мать, рассталась с мужчиной и впервые осталась одна не на выходные, а по-настоящему.

Без компании.

Без привычной гонки.

Без человека, которому можно было бы доказывать свою ценность.

Я думала, что ретрит поможет мне отдохнуть. Научит правильно дышать, отпускать обиды и выбирать себя.

Вместо этого я вспомнила, что уже выбирала себя однажды.

И цена этого выбора измерялась чужими жизнями.

Во время практики ведущая попросила представить дверь.

Я увидела семь.

Красную, чёрную, белую, синюю, зелёную, золотую и последнюю — бесцветную, похожую на поверхность зеркала.

Я открыла красную.

За ней был огонь.

А в огне стоял Арс.

Тогда я ещё не знала его имени.

Теперь знала.

И понимала: пожар начался не из-за неисправной проводки.

Он начался во мне.

— Вам нужно к врачам, — сказал Арс.

— Мне нужно вернуться в комнату.

— Это невозможно. Дом может рухнуть в любую минуту.

— Там осталась вещь.

— Какая?

Я вспомнила медальон, который нашла утром возле ру-

чья.

Небольшой круг из потемневшего серебра. На одной стороне — птица с распростёртыми крыльями, на другой — семь тонких линий, сходящихся в центре.

Когда я взяла его в руки, металл оказался тёплым.

В центре медальона было выгравировано одно слово:

«Вернись».

— Он позвал меня, — сказала я.

— Кто?

— Дом.

Арс устало провёл ладонью по лицу.

— Анна, вы надышались дымом.

— Я не о здании.

Я смотрела на пламя и уже видела не пожар.

Я видела Крым.

Белую усадьбу на возвышенности. Высокие окна. Старый сад. Семь дорог, расходящихся от дома в разные стороны. Ветер шевелил траву, а на каменных ступенях стояли мужчины.

Семеро.

Я не различала лиц, но знала каждого.

Один принёс мне огонь.

Другой даст землю.

Третий научит слышать воду.

Четвёртый откроет тайну воздуха.

Пятый вернёт тело.

Шестой потребует сердце.

Седьмой заберёт имя.

Они не были моими слугами.

Не были мужьями.

Не были случайными любовниками, которыми женщина заполняет пустоту.

Они были хранителями дверей, ведущих в мои прошлые жизни.

И Арс стоял у первой.

— Дом Ветров, — произнесла я.

— Что?

— Так он будет называться.

— Какой дом?

— Мой.

Впервые за долгое время я знала, что делать дальше.

Не планировала.

Не рассчитывала.

Знала.

Нужно было ехать в Крым. Найти усадьбу из видения. Собрать тех, кто уже однажды прошёл рядом со мной через любовь, предательство и смерть. Не привязать их к себе, а помочь им вспомнить.

И понять, зачем мы снова родились в одно время.

Арс молчал.

Я сняла с плеч его куртку и протянула ему.

— Оставьте, — сказал он.

— Мы ещё увидимся.

— Вы так уверены?

— Ты придёшь сам.

— Куда?

— В Дом Ветров.

Он усмехнулся, но глаза остались серьёзными.

— Я даже не знаю, где это.

— Я тоже.

— Тогда как я его найду?

Ветер ударил со стороны гор. Пламя пригнулось, словно кто-то провёл над ним невидимой ладонью.

В воздух поднялись тысячи искр.

Они кружили вокруг меня, не касаясь кожи. Несколько опустились на рыжие волосы и погасли, превратившись в крошечные чёрные звёзды.

Арс смотрел на это, не отрываясь.

— Ты вспомнишь, — ответила я. — И дорогу, и дом, и то, за что до сих пор меня ненавидишь.

— Я вас не ненавижу.

— Пока нет.

Раздался страшный треск.

Крыша горящего здания обрушилась внутрь. В небо взметнулся столб пламени, и на несколько мгновений ночь стала ярче дня.

В самом центре огня я увидела фигуру женщины.

Она была в высокой короне и красном платье. На груди

сиял тот самый серебряный медальон. Её лицо было моим — и всё же не моим. В нём не было ни сомнений, ни жалости.

Она подняла руку и приложила палец к губам.

Я услышала её голос внутри себя:

«Не доверяй тому, кто вспомнит первым».

Пламя погасло так внезапно, словно кто-то накрыл дом огромной чашей.

Наступила тишина.

Даже пожарные замерли.

Из чёрного дверного проёма что-то выкатилось и остановилось у моих босых ног.

Серебряный медальон.

Целый.

Холодный.

Я наклонилась и подняла его. Семь линий на обороте теперь светились тусклым багровым светом. Одна из них стала ярче остальных.

Первая дверь открылась.

Арс смотрел на медальон.

— Этого не может быть, — прошептал он.

— Может.

— Он был во сне.

Я сжала серебряный круг в ладони.

— Нет, Арс. Не во сне.

Вдалеке занимался рассвет. Небо над горами медленно наливалось красным, будто ночь тоже вспоминала своё на-

стоящее имя.

Я посмотрела на мужчину, которого когда-то спасла, предав его любовь.

На первого хранителя.

На мой огонь.

— Это было с нами, — сказала я. — И теперь нам придётся узнать, чем всё закончилось.

Арс покачал головой:

— А если я не хочу вспоминать?

Я подошла к нему так близко, что почувствовала тепло его дыхания.

— Захочешь.

— Почему?

— Потому что пятьсот лет ты приходишь в один и тот же сон, чтобы спасти женщину, которая однажды приказала тебе уйти.

Он замер.

Я вложила медальон в его ладонь.

Серебро вспыхнуло.

Арс вскрикнул и выпустил его, но было поздно. На его коже проступил знак — птица с распростёртыми крыльями.

Точно такой же знак горел на моей груди.

И тогда он назвал меня именем, которого не мог знать:

— Александра.

Я улыбнулась.

Не как Анна Роксолана — женщина сорока лет, потеряв-

шая прежнюю жизнь.

Как та, что когда-то вошла пленницей в чужой мир и заставила его запомнить своё имя.

— Наконец-то, — сказала я. — Ты вернулся.

Но в его глазах не было радости.

Только узнавание.

И древняя, пережившая века ярость.

Арс схватил меня за запястье и произнёс слова, после которых огонь вокруг нас вспыхнул снова:

— На этот раз я не позволю тебе сжечь всех, кто тебя любит.

Его слова ударили сильнее, чем жар.

Пламя вокруг нас вдруг застыло.

Оно больше не трещало, не пожирало стены, не рвалось к потолку. Каждый огненный язык замер в воздухе, словно кто-то остановил время. Внутри багровых лепестков двигались тени — женщины в длинных покрывалах, мужчины с опущенными головами, дети, чьи лица я не успевала разглядеть.

Арс всё ещё держал меня за запястье.

Его пальцы были горячими, но под ними моя кожа становилась ледяной.

— Отпусти, — прошептала я.

— Если отпущу, ты снова забудешь.

Где-то далеко ударил колокол.

Нет.

Не колокол.

Медная чаша.

Звук прошёл сквозь меня и расколол пространство надвое.

Дом исчез.

Я стояла босиком на холодном каменном полу. Пахло розовой водой, воском и морем. За резной решёткой окна колыбалась густая южная ночь, а в ней сиял тонкий месяц — острый, как лезвие.

На мне была не льняная рубашка, в которой я выбежала из горячей спальни. Тело облегал тяжёлый зелёный шёлк. По рукавам тянулись золотые гранатовые ветви. Запястья звенели от браслетов.

Я подняла руки.

Они были моими — и не моими.

Моложе. Тоньше. На правой ладони темнел едва заметный шрам в форме полумесяца.

— Где я?

Но губы произнесли другое:

— Burası neresi?

Я не знала этого языка.

И всё же понимала каждое слово.

По комнате прошёл ветер, хотя окна были закрыты. Пламя семи свечей наклонилось в одну сторону. Из зеркала напротив на меня смотрела рыжеволосая девушка. Совсем юная, почти ребёнок, но глаза у неё были моими — голубы-

ми, внимательными, слишком взрослыми.

Она первой подняла руку.

Я ещё не двигалась.

— Вспомни, — сказала девушка из зеркала.

— Что?

— Не что. Кого.

Позади неё возникла другая комната. Белые стены. Низкие диваны. Рассыпанные по полу лепестки. Женские фигуры скользили вдоль стен, не касаясь пола. Их лица закрывала тьма, и только глаза светились в ней, как угли.

Одна из женщин подошла к отражению и положила ладонь на плечо девушки.

— Ты думала, что память живёт в голове? — спросила она. — Нет. Память живёт в теле. Голова умеет лгать. Тело — никогда.

В тот же миг моё тело вспомнило.

Верёвку на запястьях.

Соль на губах.

Качку корабля.

Чужие голоса за спиной.

Страх, который нельзя было показать, потому что хищники всегда чувствуют его запах.

Я согнулась, прижав руки к животу. Воспоминания входили в меня не картинками — ощущениями. Холод воды. Тяжесть мокрых волос. Удар о деревянный борт. Горечь травяного настоя. Прикосновение шёлка к коже. Вкус граната,

который кто-то разделил со мной пополам.

А потом пришёл смех.

Мой смех.

Лёгкий, звонкий, почти дерзкий.

Так смеялась девушка, у которой отняли дом, имя и прошлое, но не сумели отнять волю.

Перед глазами вспыхнул сад.

Я увидела себя бегущей между кипарисами. За мной следовал мужчина, лица которого скрывал солнечный свет. Я не боялась его. Я остановилась у фонтана, зачерпнула воду ладонью и бросила ему в лицо.

Он засмеялся.

От этого смеха у меня сжалось сердце.

Не от любви.

От узнавания.

— Кто ты? — спросила я.

Свет вокруг него дрогнул, но лицо так и не открылось.

— Тот, кого ты любила достаточно сильно, чтобы изменить его судьбу.

— Сулейман?

Мужчина промолчал.

Вместо ответа он протянул мне перстень. В центре красного камня пульсировала крошечная золотая искра.

Я коснулась её — и сад почернел.

Ветки кипарисов превратились в обугленные руки. Вода в фонтане стала тёмной. По мраморным плитам рассыпались

письма, и на каждом была одна и та же печать: птица с распростёртыми крыльями.

Такая же, как на моей груди.

— Ты пришла не для того, чтобы повторить, — прошептал голос девушки из зеркала. — Ты пришла, чтобы завершить.

— Завершить что?

— Семь обещаний.

Вокруг меня вспыхнули семь дверей.

Первая была охвачена огнём.

Вторая покрыта морской солью.

Третья заросла чёрными розами.

На четвёртой висел серебряный меч.

За пятой плакал ребёнок.

Из-под шестой текла кровь.

Седьмая была простой, белой и совершенно безмолвной.

Перед каждой дверью стоял мужчина.

Я не различала их лиц, но чувствовала каждого так ясно, будто они жили внутри моей грудной клетки. Один был защитой. Другой — искушением. Третий — предательством. Четвёртый — властью. Пятый — утратой. Шестой — прощением.

А за последней дверью ждал тот, чьего имени я не могла вспомнить.

Я шагнула к ней.

— Не открывай! — крикнул Арс.

Его голос прорвал видение.

Семь дверей одновременно распахнулись, и тысячи чужих воспоминаний обрушились на меня.

Я увидела руки, выводящие тайные строки на тонкой бумаге.

Увидела золотую корону, лежащую на чёрном бархате.

Увидела чашу, из которой не следовало пить.

Увидела мужчину, стоящего передо мной на коленях.

Увидела собственное лицо — старше, бледнее, прекраснее и страшнее, чем в зеркале.

Женщина в короне посмотрела прямо на меня.

— Анна, — произнесла она.

Я вздрогнула.

— Ты — не моё новое тело. Не моя копия. Не моё наказание.

Её глаза наполнились золотым светом.

— Ты — мой последний выбор.

Она приблизилась, и зеркало между нами исчезло. Мы стояли лицом к лицу — две рыжеволосые женщины, разделённые пятью веками и соединённые одной памятью.

— Почему я?

Она улыбнулась моей улыбкой.

— Потому что только ты сможешь полюбить их иначе.

— Кого — их?

— Тех, кого я когда-то превратила в орудия своей судьбы.

Она коснулась двумя пальцами моего лба.

Мир взорвался золотым светом.

Я вспомнила своё первое имя.

То, которым меня звала мать до того, как чужие люди дали мне другое.

Вспомнила песню, которую пела в детстве.

Вспомнила дворец на рассвете, запах горячего хлеба и прохладного камня. Вспомнила письма, написанные в одиночестве. Рождение детей. Ревность. Победы, после которых невозможно уснуть. Ошибки, от которых не спасает даже время.

И любовь.

Огромную, ослепительную, беспощадную.

Любовь, которая подняла меня так высоко, что весь мир внизу стал казаться шахматной доской.

Я вспомнила мужчину, ради которого научилась быть огнём.

И другого — того, кто однажды вошёл в этот огонь за мной.

Его глаза были глазами Арса.

Я очнулась на полу «Дома Ветров».

Огонь погас.

Стены оставались целыми, словно никакого пожара не было. Только семь чёрных следов тянулись по доскам от моих босых ног к закрытой двери.

Арс стоял рядом на коленях. Знак птицы на его ладони медленно наливался алым светом.

Я посмотрела на него — и впервые увидела не только мужчину из настоящего.

За его плечами проступил силуэт в старинной одежде. Молодое лицо. Шрам под левым глазом. Меч у пояса. Взгляд человека, который уже однажды умер, защищая меня.

Имя поднялось из глубины памяти.

— Искендер...

Арс побледнел.

— Не называй меня так.

— Почему?

Он разжал ладонь. В центре знака лежала крошечная золотая искра — та самая, которую я видела в перстне.

— Потому что Искендер был первым мужчиной, которого Хюррем предала.

За закрытыми окнами взвыл ветер.

А в дальнем конце коридора одна за другой отворились семь дверей.

Глава II. «Мужчина, который дал мне землю»

Анна несколько недель искала землю на крымском побережье. Ей показывали ровные участки с проведёнными коммуникациями, новые коттеджные посёлки и удобные площадки возле дорог. Но всякий раз она чувствовала одно и то же: на этой земле можно было построить красивый дом, однако ни одно место не нуждалось именно в ней.

О заброшенной усадьбе Анна узнала случайно. Пожилой риелтор упомянул старый участок на склоне, который уже много лет не удавалось продать. Дорогу к нему размыло, сад одичал, а стоявшее там здание считалось непригодным для восстановления.

— Вам это место не подойдёт, — предупредил он. — От дома почти ничего не осталось.

Именно поэтому Анна попросила отвезти её туда.

Они поднялись по узкой дороге между скалами и остановились возле ржавых ворот. За ними начиналась заросшая тропа. Сухая трава доходила до колен, ветви старых плодовых деревьев переплетались над головой, а сквозь кусты проступали каменные террасы.

Само здание показалось не сразу.

Оно стояло на краю склона, наполовину скрытое плющом.

Крыша восточного крыла обрушилась, окна были пусты, а по светлому фасаду тянулись глубокие трещины. На центральном фронте сохранился барельеф с изображением летящих птиц. Одно крыло дома ещё держалось, другое медленно сползало к морю.

Риелтор остался у ворот, но Анна пошла дальше.

Она вошла через дверь, сорванную с петель. Внутри пахло пылью, влажным камнем и полынью. Под ногами хрустело разбитое стекло. В бывшем зале уцелела широкая лестница, которая поднималась на второй этаж и обрывалась у разрушенной стены. Сквозь пролом было видно море.

Анна медленно прошла по комнатам. В одной она обнаружила выцветшую роспись с тюльпанами, в другой — круглый каменный бассейн, засыпанный листьями. В конце восточного коридора находилась заложённая арка. Когда Анна коснулась её, из-за стены донёсся тихий шорох, будто там просыпалась земля.

На мгновение ей привиделся восстановленный дом: светлые комнаты, открытые террасы, библиотека, сад и люди, приехавшие сюда, чтобы обрести себя. Ветер проходил сквозь распахнутые окна и наполнял всё здание живым дыханием.

— Здесь, — произнесла Анна.

Риелтор, всё-таки последовавший за ней, решил, что она говорит о найденной комнате.

— Что здесь?

— Здесь будет «Дом Ветров».

Он попытался объяснить, что восстановление обойдётся дороже нового строительства. Склон требовал укрепления, коммуникации находились далеко, а документы на землю были сложными. Анна выслушала его, но решения не изменила.

Она выбрала этот участок не вопреки старой усадьбе, а благодаря ей. Полуразрушенное строение уже обладало прошлым, которое не нужно было придумывать. Оно пережило своих хозяев, штормы и годы забвения, но продолжало стоять над морем.

Анне показалось, что они с домом похожи: оба сохранили фундамент, хотя часть прежней жизни уже невозможно было восстановить.

Через несколько месяцев земля и усадьба стали её. В первый вечер Анна поднялась на уцелевшую террасу и долго смотрела на море. Ветер бился в пустые окна, гудел в дымоходах и проходил по заброшенным комнатам, словно здание пыталось заговорить.

Тогда Анна поняла, откуда возьмётся название.

Она не станет сносить старую усадьбу и строить на её месте новую. Она укрепит фундамент, восстановит стены и сохранит следы времени.

Так полуразрушенный дом на крымском склоне получил вторую жизнь — и стал «Домом Ветров».

Встреча с архитектором

Селим приехал в «Дом Ветров» в тот час, когда тени кипарисов пересекали двор, будто трещины.

Анна увидела его из окна восточного крыла. Высокий мужчина в светлой рубашке вышел из машины, однако не направился к главному входу. Он остановился у подпорной стены, провёл ладонью по нагретому камню, посмотрел на склон, затем поднял глаза к верхним окнам.

Он не был похож на гостя.

Гости сначала видели дом. Селим увидел землю, на которой тот стоял.

Он обошёл усадьбу по кругу, задерживаясь у водостоков, трогая кладку и вдавливая носок ботинка в сухую почву. Несколько раз останавливался там, где под травой скрывались остатки старых террас. Анне показалось, что архитектор не изучает незнакомое место, а проверяет, насколько оно изменилось в его отсутствие.

Она спустилась во двор.

— Вы всегда входите в дом с задней стороны?

Мужчина повернулся.

Ему было около сорока пяти. Седина у висков не старила его, а придавала лицу законченность. Он смотрел спокойно, не торопясь улыбнуться. Так смотрят люди, привыкшие сначала определять ценность предмета, а уже потом решать, нравится ли он им.

— Я сначала должен понять, почему он ещё стоит, — ответил Селим. — Потом можно войти и познакомиться с хо-

зьявами.

— С хозяйкой.

Его взгляд задержался на её лице.

На одно мгновение в нём исчезла профессиональная сдержанность. Селим будто увидел за её плечом что-то другое: не выгоревшую стену усадьбы, а пространство, открывшееся только ему.

— Александра, — произнёс он.

Анна не пошевелилась.

Ветер ударил ставней о стену.

— Вы ошиблись.

Селим моргнул, словно очнулся.

— Простите.

— Меня зовут Анна Роксолана.

— Я знаю. Ваше имя было в письме.

— Тогда почему вы называли меня Александрой?

Он посмотрел на верхние окна.

— Не могу объяснить.

— Попробуйте.

— Когда я увидел вас, мне показалось, что это имя уже звучало здесь.

Анна почувствовала под рёбрами знакомый жар. Так начинались воспоминания: не с образа, а с узнавания, которому разум ещё не успевал придумать объяснение.

— Здесь раньше не было Александры.

Селим снова посмотрел на неё.

— Вы уверены?

Она не ответила.

Он первым отвёл взгляд и присел у основания стены. Вынул из земли сухой комок, растёр между пальцами.

— Верхний слой почти мёртвый, — сказал он. — Вода уходит слишком быстро. Корни не удерживают склон. Если осенью будут сильные ливни, восточное крыло может поползти к морю.

— Мне сказали, что достаточно укрепить стену.

— Стена треснула не потому, что состарилась. Она треснула потому, что земля под ней движется.

— Значит, вы сможете её остановить?

— Смогу.

Он сказал это без хвастовства. Как человек, для которого возможность подчинить движение земли была не чудом, а профессией.

Анна невольно улыбнулась:

— Вы быстро принимаете решения.

— Вы пригласили меня за этим.

— Я пригласила вас оценить состояние крыла.

— А я уже оценил.

Селим поднялся и стряхнул почву с ладони.

— Вам нужен не ремонт, Анна. Вам нужно владение.

Земля без имени

Они начали осмотр с нижней террасы.

Селим шёл впереди и рассказывал, где пройдут дренаж-

ные каналы, какие деревья следует убрать, а какие — сохранить. Он говорил о подпорных стенах, нагрузках и составе грунта. Однако за профессиональными словами Анна слышала нечто большее.

Он не предлагал ей залатать трещины.

Он предлагал остановить распад.

— Восточное крыло придётся частично разобрать, — сказал он.

— Нет.

— Я ещё не закончил.

— А я уже ответила.

Селим остановился.

— Некоторые стены не подлежат восстановлению.

— Тогда укрепите их.

— Это будет стоить дороже, чем новая кладка.

— Цена не имеет значения.

— Цена всегда имеет значение. Иначе вы позвали бы не инвестора, а реставратора.

Анна подошла ближе.

— В этих стенах находится память дома.

— Память находится в людях.

— Вы архитектор и действительно в это верите?

Его лицо едва заметно изменилось.

— Я верю, что разрушенная стена иногда должна упасть, чтобы не похоронить человека, который её охраняет.

Слова задели её слишком точно.

На мгновение перед Анной возникла другая стена — белая, прохладная, отделанная изразцами. За ней звучали женские голоса. Кто-то смеялся, кто-то молился, кто-то шептал её имя с ненавистью.

Хюррем.

Она вошла во дворец пленницей и очень скоро поняла: стены не просто защищают. Они распределяют власть. За одной дверью живут женщины, которых можно заменить. За другой — мать наследника. Ещё дальше находятся комнаты султана, куда не входят без приглашения.

Каждая дверь говорит человеку, кем ему позволено быть.

Хюррем захотела дверь, которую никто не сможет закрыть перед ней.

— Анна?

Она вернулась в настоящее.

Селим стоял рядом, но не прикасался к ней.

— Что вы сказали?

— Я спросил, хорошо ли вы себя чувствуете.

— Прекрасно.

— Вы побледнели.

— Это от ваших расчётов.

— Тогда впереди тяжёлая неделя.

Она пошла дальше, не дожидаясь его.

Вечером Селим разложил чертежи на длинном столе в библиотеке.

Он предложил укрепить склон, восстановить восточное

крыло, вернуть старую систему террас и выкупить два соседних участка. На одном можно было разбить сад. На втором — построить жилые корпуса и зал для закрытых встреч.

— Сейчас ваш дом существует вопреки земле, — сказал он. — Я предлагаю сделать так, чтобы он существовал благодаря ей.

Анна медленно рассматривала план.

На бумаге «Дом Ветров» переставал быть одинокой усадьбой. Вокруг него возникали дорожки, сады, стены, гостевые дома. То, что она создала почти интуитивно, обретало форму.

— Международный центр, — продолжил Селим. — Резиденции, программы восстановления, конференции. У вас уже есть идея. Я дам ей территорию.

— Дадите?

Он встретил её взгляд.

— Найду землю, обеспечу финансирование и возьму строительство на себя.

Анна положила ладонь на чертёж.

Под пальцами находился будущий сад.

Ей показалось, что она касается не бумаги, а карты другого города.

Перед Хюррем тоже когда-то развернули план.

Она не умела читать архитектурные чертежи, но сразу узнала пустое место среди улиц. Там мог появиться комплекс, который будет носить её имя: мечеть, больница, кухня

для бедных, школа, источник.

— Вы хотите, чтобы это построили для вас? — спросил Сулейман.

Хюррем опустила глаза.

Пленница должна была благодарить за украшение.

Любимая могла попросить покои.

Мать наследников — безопасность для детей.

Но женщина, желавшая остаться в истории, просила землю.

— Не для меня, государь, — ответила она. — Для тех, кто будет произносить ваше имя, получая хлеб.

Она сказала «ваше», хотя уже знала: люди запомнят и её имя.

Дар султана должен был стать основанием её собственной власти.

Анна убрала руку с чертежа.

— Что вы хотите взамен?

— Долю.

— Какую?

— Достаточную, чтобы отвечать за результат.

— Ответственность и власть — не одно и то же.

— В больших проектах одно без другого невозможно.

Селим раскрыл папку с документами.

— Здесь предварительные условия.

Анна не стала читать сразу.

— Вы подготовили договор до того, как увидели дом?

— Я подготовил возможную модель сотрудничества.

— Вы ещё не знали, захотите ли участвовать.

— Знал.

— Откуда?

Он посмотрел на неё с тем же необъяснимым узнаванием.

— Не знаю.

Дар султана

Ночью Анне снился сад, которого ещё не существовало.

Она шла между молодыми кипарисами. Земля была чёрной и влажной. На грядках цвели тюльпаны, хотя вокруг лежал снег.

В конце аллеи стоял Селим. На нём была не современная одежда, а длинный тёмный кафтан. Его лицо оставалось прежним, только взгляд казался старше.

Он держал на ладони горсть земли.

— Возьми, Александра.

Она протянула руки.

Земля посыпалась в её ладони и сразу стала золотом.

— Теперь это моё? — спросила она.

— Теперь ты моя, — ответил он.

Анна проснулась, стискивая простыню.

На пальцах осталась тёмная пыль.

Она включила свет. Пыль исчезла, но запах влажной земли остался.

Утром юрист Анны прислал замечания к договору. Внешне предложение Селима выглядело щедрым. Он брал на се-

бя почти все финансовые риски. Однако три пункта меняли смысл соглашения.

Без его согласия Анна не могла продать землю, изменить назначение центра, пригласить другого инвестора или утвердить руководителя проекта. В случае финансовых трудностей управляющие полномочия переходили компании Селима.

Он предлагал ей империю.

Но ворота этой империи открывались его ключом.

Селим приехал около полудня. Анна ждала его в восточном крыле.

Через разбитую крышу падал свет. На полу лежали обломки штукатурки. Корни дикого винограда проникли между камнями и держали стену прочнее старого раствора.

Анна протянула ему договор.

— Вы не инвестируете в «Дом Ветров». Вы его покупаете. Селим не стал изображать удивление.

— Я создаю структуру, способную пережить вас и меня.

— Под вашим контролем.

— Под контролем человека, который отвечает деньгами.

— А я чем отвечаю?

— Именем.

Анна рассмеялась.

— Моё имя должно стать вывеской на вашем здании?

— Ваше имя привлекает людей. Мои ресурсы дают им место, куда можно приехать. Это союз.

— Союз предполагает равенство.

— Нет. Союз предполагает взаимную необходимость.

Он говорил спокойно, но в его спокойствии уже проступала сила человека, привыкшего получать право последнего слова.

Анна вдруг снова увидела Сулеймана.

Не исторического правителя с миниатюры, а мужчину, протягивающего Хюррем документ о земле. Его подарок возвышал её над женщинами дворца. Давал доход, положение, имя, вписанное в камень.

Одновременно каждый камень напоминал, откуда пришёл дар.

Хюррем приняла его.

Она поклонилась.

А когда подняла голову, уже знала, как превратить дар султана в основание собственной власти.

Анна посмотрела на Селима.

— Вы считаете, что даёте мне то, чего у меня нет.

— Землю, которую без меня вы не сможете удержать.

— Именно.

— Это факт.

— Нет. Это ваш способ войти сюда как спаситель.

На его скулах обозначилось напряжение.

— Склон разрушается независимо от наших психологических интерпретаций.

— А договор независимо от состояния склона делает вас

хозяином.

— Совладельцем.

— Хозяином решений.

Селим подошёл к трещине в стене и провёл по ней пальцами.

— Вам нравится власть, Анна. Почему вас оскорбляет, что она нравится и мне?

Она замолчала.

Он впервые увидел её точно.

Не духовную наставницу. Не хранительницу дома. Не женщину, нуждающуюся в помощи.

Правительницу без признанной территории.

— Меня оскорбляет не ваша власть, — ответила Анна. —

А то, что мою вы считаете временной.

— Потому что сейчас она держится на харизме.

— Как и власть любого султана.

— Султанов защищали армии.

— До первого поражения.

Он повернулся к ней.

— Чего вы хотите?

— Чтобы вы дали форму тому, что я создала, но не присваивали содержание.

— А если ваша идея приведёт проект к гибели?

— Тогда вы должны будете убедить меня, а не заменить.

— Вы требуете права на ошибку за мои деньги.

— Я предлагаю вам право строить рядом со мной, а не

поверх меня.

Ветер ворвался через оконный проём. Листы договора выскользнули из рук Селима и рассыпались по полу.

Один упал в грязь.

Анна наступила на него босой ногой.

В этот момент память открылась.

Женщина, вставшая рядом

Сулейман стоял перед окном, за которым темнел сад.

Хюррем ожидала у двери.

Ей было позволено войти, но не приблизиться. Во дворце расстояние между людьми измерялось не шагами, а положением.

На низком столе лежал свиток с печатью.

— Тебе отведут новые покои, — сказал султан. — И земли, доход с которых будет принадлежать тебе.

Хюррем склонилась.

— Благодарю, государь.

Он ждал, что она уйдёт.

Она осталась.

— Ты хочешь ещё что-то?

— Да.

В комнате стало тихо.

Просить после дарованной милости означало рисковать самой милостью.

— Говори.

— Я хочу знать границы земли.

Сулейман посмотрел на неё с удивлением.

— Зачем?

— Чтобы понимать, за что отвечаю.

— Это будут делать управляющие.

— Ваши управляющие?

— Разумеется.

Хюррем подошла к свитку, хотя её не приглашали.

— Тогда это останется вашей землёй, государь. А мне останется только доход.

В его взгляде появился холод.

— Всё в этой империи принадлежит мне.

— Тогда ваш дар ничего не меняет.

Стражники за дверью не слышали этих слов, но Хюррем чувствовала их присутствие. Одним приказом Сулейман мог отнять покои, землю, будущее и жизнь.

Она боялась.

Однако страх больше не заставлял её отступать. Он становился почвой, в которую она вонзала корни.

— Что должно измениться? — спросил султан.

Хюррем подняла голову.

— Я.

Он подошёл ближе.

— Ты забываешь своё место.

— Нет. Я впервые прошу его определить.

Между ними оставался один шаг.

Если бы она сделала его сама, это выглядело бы дерзо-

стью. Если бы отступила — признала бы себя просительницей.

Хюррем осталась на месте.

Сулейман преодолел расстояние первым.

— Ты хочешь встать рядом со мной?

— Я хочу не падать, когда вы уйдёте.

На его лице мелькнуло что-то похожее на гнев, затем — интерес.

Он понял: перед ним уже не женщина, которой достаточно быть выбранной. Хюррем хотела основания, не исчезающего вместе с любовью.

— Возьми землю, — сказал Сулейман. — Назначь своих управляющих. Строй.

Она поклонилась.

Но теперь её поклон означал не подчинение.

Он обозначал принятие союза.

В тот день Хюррем не получила равенства с султаном. В мире, где он был верховным правителем, такого равенства не существовало.

Она получила другое: признанное пространство собственной воли.

Именно с него началось её возвышение.

Чертёж без трона

Анна вернулась в восточное крыло.

Селим стоял напротив. Ветер гонял страницы по полу.

— Что с вами? — спросил он.

— Я вспомнила, почему нельзя благодарить за землю раньше, чем увидишь её границы.

Она подняла испачканный лист договора и порвала его на-
двое.

Селим не остановил её.

— В таком случае предложите свои условия.

Анна подошла к чертёжному столу и взяла карандаш.

Она провела линию вокруг главного дома.

— Эта территория не входит в залог.

Провела вторую линию вдоль восточного склона.

— Здесь создаётся отдельный фонд. Ни вы, ни я не сможем продать эту землю без согласия попечительского совета.

— Вы уже назначили совет?

— Назначу. И вы не получите в нём большинства.

— Тогда я не смогу гарантировать исполнение проекта.

— Сможете. Просто гарантия перестанет означать единоличную власть.

— Что ещё?

— Архитектурные решения — ваши. Смысл и программа дома — мои. Финансовые изменения утверждаем вместе.

— А если мы не договоримся?

— Строительство остановится.

— Это дорогое упрямство.

— Свобода вообще неудобна для инвесторов.

Селим взял другой карандаш и изменил линию на её схеме.

— Здесь ваша граница уничтожит нормальный подъезд.

Анна вернула линию назад.

— Тогда найдите другой путь.

— Он пройдёт через соседний участок.

— Вы хотели его выкупить.

— Это увеличит бюджет.

— Зато дорога не разрежет сад.

Они спорили до сумерек.

Каждая линия становилась вопросом власти. Где пройдёт стена? Кто получит ключи? Чьё решение окажется окончательным? Что будет носить имя Анны, а что — имя компании Селима?

Постепенно первоначальный план исчез под исправлениями. На его месте возник другой дом: менее удобный для инвестора, менее зависимый от личности Анны, более трудный и, возможно, более долговечный.

Селим долго рассматривал чертёж.

— Вы понимаете, что при таких условиях я не дарю вам землю?

— Наконец-то понимаете и вы.

Он поднял взгляд.

— Тогда что я вам даю?

— Возможность не бороться с землёй в одиночку.

— И этого достаточно?

— Для союза — да.

— А для вас?

Анна подошла ближе.

— Если вы хотите спросить, достаточно ли этого для любви, спрашивайте прямо.

Он не улыбнулся.

— Достаточно?

— Я ещё не знаю, что вы называете любовью.

— А вы?

Анна вспомнила Хюррем, неподвижно стоявшую перед султаном.

— Пространство, в котором никто не обязан становиться меньше, чтобы другой казался великим.

— Красивое определение.

— Оно вам не нравится?

— Оно не похоже на любовь. Оно похоже на договор.

— Иногда хороший договор честнее красивой клятвы.

Селим протянул ей руку.

Не сверху вниз.

Не требуя поцелуя или благодарности.

Ладонью вверх.

Анна вложила свою руку в его.

На этот раз между ними не было ни трона, ни ступеней.

Только земля под ногами.

Новый договор они подписали через три дня.

В нём не было ни слова о доверии, любви или памяти. Только точные формулировки, проценты и границы полно-

мочий.

Земля и усадьба оставались собственностью Анны. Их нельзя было передать, заложить или включить в капитал совместного предприятия. Селим получал долю в новом проекте и право отвечать за строительство, но не мог единолично изменить назначение «Дома Ветров», устранить его основательницу или принять управление под предлогом кризиса.

Все ключевые решения требовали двух подписей.

Его и её.

Ни одна не стояла выше другой.

Селим прочитал последнюю страницу, снял очки и отложил их рядом с договором.

— Вы оставили мне возможность построить дом, но не позволили владеть им.

— Именно.

— И если мы не договоримся?

— Строительство остановится.

— Даже если я буду знать, как его спасти?

— Даже тогда.

Он постучал пальцем по столу.

— Не слишком ли дорогая цена за равноправие?

— Равноправие всегда дороже подчинения. Подчинение удобно: отвечает только один, а второй перестаёт существовать.

Селим посмотрел на неё поверх сложенных рук.

— Вы действительно думаете, что я хочу вашего исчезно-

вения?

— Нет. Думаю, вы хотите сделать меня частью того, что постройте. Но я не часть дома, Селим. Дом — часть моей жизни.

— Вы могли бы мне доверять.

— Доверие не отменяет границ.

Она подвинула к нему ручку.

Некоторое время он не двигался. За окнами ветер гнал по дорожкам опавшие листья. В восточном крыле работали специалисты: глухо стучали молотки, скребли лопаты, иногда раздавался звон складываемого камня.

Наконец Селим взял ручку.

— Хорошо.

— Что именно?

— Я войду в ваш проект, Анна. Не в вашу жизнь и не во владение вами.

Он поставил подпись.

Анна расписалась рядом.

На бумаге их имена выглядели почти одинаково весомыми. Её подпись была широкой, стремительной. Его — строгой, собранной, похожей на чертёж.

Между ними оставалось несколько сантиметров белого пространства.

Анна подумала, что именно оно и есть свобода.

Не расстояние, разделяющее двух людей, а место, которое ни один не пытается присвоить.

Селим закрыл папку.

— Поздравляю. Теперь у вас есть инвестор, которого вы заранее лишили власти.

— Нет. У меня есть партнёр, которому я оставила его половину.

Он усмехнулся.

— Вы всегда должны сказать последнее слово?

— Только когда мужчина приходит со своим первым.

Селим поднялся и протянул ей руку.

На этот раз в его жесте не было приглашения следовать за ним. Он не собирался поднимать её с земли, вести к дверям или подтверждать её право находиться в собственном доме.

Это было предложение встать рядом.

Анна пожала его руку.

И сразу почувствовала толчок.

Не в теле Селима — глубже.

Под полом.

Стакан на столе дрогнул. Где-то в восточном крыле раздался сухой треск, а затем крик рабочего:

— Остановите технику!

Анна и Селим одновременно бросились к двери.

В восточном крыле пахло известковой пылью и влажным камнем.

Рабочие столпились у стены, за которой, по предположению Селима, когда-то мог находиться внутренний двор.

Часть кладки сняли, обнажив старые кирпичи. Между двумя рядами обнаружилась вертикальная трещина.

— Что произошло? — спросил Селим.

Прораб указал на основание стены.

— Камень провалился. Там пустота.

Селим присел, направил фонарь в отверстие и несколько секунд молча смотрел внутрь.

— Инструменты.

— Стена нестабильна, — предупредил прораб.

— Поэтому вручную. Никакой техники.

Анна встала рядом.

— Что там?

— Полость. Небольшая. Возможно, строительный тайник.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.